

А.М.КОЛЛОНТАЙ

«Революция-
великая
мятежница...»

Избранные
письма
1901-1952

А.М. КОЛЛОНТАЙ

89-3

16847a

«Революция-
великая
мятежница...»

Избранные
письма
1901-1952

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1989

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА СССР

Ответственный составитель **В. Н. Колеченкова**

В составлении сборника принимали участие **И. М. Дажина**, кандидат исторических наук, **А. Е. Погосова**, **И. Г. Таракапова**, **Р. Я. Цивлина**

Подбор иллюстративного материала: **В. Н. Колеченкова**

Редактор **Н. И. Дикушина**, кандидат филологических наук

Рецензенты: **Л. М. Зак**, доктор исторических наук; **Н. М. Скегина**

Художник **А. В. Вохмин**

АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА КОЛЛОНТАЙ И ЕЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ

(Вместо предисловия)

Среди тех достоинств, которыми отмечен интеллигент века минувшего и которые люди нашего столетия, к сожалению, восприняли далеко не в той степени, какой эти достоинства заслуживают, — умение писать письма. Ничто не дает столь полного и, пожалуй, глубокого впечатления о великом даре общения наших отцов, как их необыкновенное эпистолярное наследие. Завидна способность письма высечь искру мысли, свойственную времени, передать эмоциональный тонус встречи двух сердец, воссоздать настроение, сопутствующее встрече. Может ли что иное сравниться с обычным письмом в таланте быть исповедальным, а следовательно, личным и по этой причине неотторжимым от самого существа автора? Вместе с тем собранные воедино письма дают на редкость полную и, главное, точную картину состояния душевных устремлений человека, его идеала, его личных и общественных побуждений, а следовательно, картину времени.

Среди тех данных, которыми природа одарила Александру Михайловну, свое большое место занимает дар писать письма, крепить узы дружбы посредством переписки. Как можно понять, этот дар был производным от способности Коллонтай к общению. Именно способности к общению. Те из наших дипломатов, кто имел возможность наблюдать Александру Михайловну Коллонтай в пору ее посольской деятельности в Стокгольме, рассказывали мне, с каким тактом, умением чувствовать характер человека руководила она большим посольским приемом. Она умела найти слова, чтобы сказать нечто значительное им всем и, конечно, каждому в отдельности. У нее хватало таланта, чтобы сообщить энергию живой беседы, а следовательно, радушия, остроты, откровенного веселья этому собранию гостей, обжившему апартаменты посольства. Казалось, смежите веки, и вы услышите, как гудит большой дом посольства, увлеченный стихией беседы. Великолепен тут дар Коллонтай — истинно дирижер, умный, всевидящий. Как много даст этот прием ей, чтобы проникнуть в существо происходящего, как велико число вопросов, кото-

90-1226

рые она поставит перед собеседниками, как точен будет ее анализ обстановки, в какой мере он ей подскажет нечто такое, что определит стратегию деятельности посольства.

Нечто подобное обнаруживала Александра Михайловна в своем умении вести переписку. То же умение видеть собеседников, нет, не корреспондентов, все то же искусство продолжить диалог, все то же умение приковать внимание коллег по переписке к вопросам, которые тебя интересуют, все та же настойчивость внушить им уважение к мнению, которое является твоим мнением, ибо... Известна максима Александры Михайловны: «Дипломат, не давший своей стране друзей, не может называться дипломатом».

1

Неоглядна аудитория корреспондентов Александры Михайловны. Биограф Коллонтай, задавшийся целью сотворить своеобразную картотеку на корреспондентов, должен будет заполнить сотни, а может, и тысячи карточек. Собрать воедино письма Александры Михайловны — задача, смею думать, грандиозная. Много писем хранится в нашей стране — места эти известны. Но немало таких мест за рубежом — в некоторых я был. Это прежде всего Королевская библиотека в Стокгольме, — здесь хранится в высшей степени ценное собрание писем Александры Михайловны, адресованное шведской писательнице Элен Микельсен, автору книги «Женщины русской революции». Это — университетская библиотека в Осло, в которой мне были показаны письма Александры Михайловны выдающемуся норвежскому исследователю и общественному деятелю Фритьофу Нансену. Это — Стокгольмский архив рабочего движения, в котором хранятся письма Коллонтай ее давнему корреспонденту бургомистру Линдхагену. Это — семьи стокгольмских друзей Александры Михайловны, в которых я был, — Сони Брантинг, дочери известного лидера шведской социал-демократии, Ады Нильсон, давней приятельницы Коллонтай, Нанны Сварц, видного шведского терапевта, лечившей Коллонтай в пору тяжелого сердечного приступа летом сорок второго, супругов Густава Юхансона и Евы Пальмер, близких друзей Александры Михайловны, он — автор книги о Коллонтай — «Посол революции», она — глава общества «Швеция — СССР», лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Мне удалось снять копии с некоторых писем, — впрочем, бо-

лее подробно об этом мы еще будем иметь возможность рассказать.

Как, быть может, заметил читатель, книгу эту скрепляют от начала до конца письма, адресованные Татьяне Львовне Щепкиной-Куперник. Это дает возможность собрать воедино главы ее, сообщить им известную последовательность, а может быть, даже и сюжет. В самом деле, читая книгу, вы как бы мысленно образуете две линии, одну — повторяющую жизненную «стею» Коллонтай, другую — Щепкиной-Куперник. Они знали друг друга сорок пять лет, история их почти полувековой дружбы отражена в переписке — сохранилось 777 писем. Татьяна Львовна была человеком творчески деятельным и интеллектуальным. Она много сделала, чтобы приобщить нашу читающую публику и, разумеется, зрителя к западной драматургии. Пьесы Ростана, Лопе де Вега, Кальдерона, Мольера, Шекспира шли на русской сцене в переводах Татьяны Львовны. Несомненную ценность представляют воспоминания Щепкиной-Куперник о крупных явлениях литературной жизни, — написанные ею портреты Чехова, Горького, Станиславского отмечены верностью наблюдений. Человек разносторонних интересов, прекрасно знающий литературу и театр, Татьяна Львовна была для Коллонтай интересной собеседницей и корреспонденткой. Первой читательницей книги воспоминаний Татьяны Львовны была именно Коллонтай, как, впрочем, и друзья Александры Михайловны. «Был у меня на днях Максим Максимович Литвинов. Он прочел твою книгу о театре и совсем растрогался. Говорит, что книга великолепна, дает картину целой эпохи. ...Я редко видела Литвинова таким искренне взволнованным...» То обстоятельство, что одним из главных корреспондентов Александры Михайловны была Щепкина-Куперник, пошло на пользу переписке и, конечно, книге, которая сейчас лежит перед читателем. Татьяна Львовна, будучи человеком иной профессиональной и творческой сферы, нежели Коллонтай, как бы раздвинула тематические пределы переписки, поощрив наблюдения, которые конечно бы имели место и в иных обстоятельствах, но, быть может, не столь полно.

Наверно, именно тут уместно сказать, что подобно таким фигурам нашей дипломатии, как Чичерин и Воровский, Александра Михайловна была личностью артистической, если артистизм понимать как способность любить и понимать литературу, театр, музыку, жить интересами мира искусств. Ее взгляд на явления искусства отличался своеобразием и точностью, — никогда не шла в своих суждениях тореной колеей, берегла собственное мнение, если даже оно не соотно-

силось с общепринятым. О великом толстовском романе, его героях: «Сейчас перечитываю «Войну и мир», и, представь, люди мне кажутся от нас очень далекими и даже чуждыми, — пишет она Щепкиной-Куперник. — Наташу Ростову я никогда не любила, это такая самовлюбленная, эгоцентричная женщина, совершенно мне чуждая. Но, конечно, охват Толстого гениальный, и эпоха восстановлена, как на ладони». В высшей степени верное наблюдение о заповедной поре в нашем искусстве, связанном с именами великой троицы, — поводом послужили воспоминания Щепкиной-Куперник, которой и адресовано письмо: «Очерк дает четко основные мысли, и вместе с тем он удивительно трогательный, воссоздает образ наивной девочки, которая робеет перед Чайковским. Мне понравилось сопоставление Чайковского — Чехова — Левитана. Это была особая полоса русской культуры». Александра Михайловна не предубеждена против явлений современного искусства — она чутка ко всему новому. Неогляден диапазон имен, оказавшийся в поле ее внимания: чилиец Пабло Неруда («Здесь перебывало несколько больших мировых людей, твой собрат по перу Пабло Неруда с прелестной женой. Ты не переводила его? Именно ты дала бы его так, как он этого достоин...») — письмо к Щепкиной-Куперник из Барвихи), академик Тарле («Позвольте выразить Вам мое восхищение Вашей статьей в 25-м номере «Нового времени». Богатство содержания, яркость и ясность положений... делают эту статью классическим образцом исторического анализа»), актер Якут, великолепно сыгравший Пушкина («...Весь спектакль был подъемный и торжественный» — письмо к Щепкиной-Куперник), роммовский фильм «Ленин в Октябре» («Смотрела с волнением фильм «Ленин в Октябре», потом не могла заснуть. Все переживались те великие дни. То, что ты писала об артисте, исполнявшем роль Ленина, — верно, он недостаточно спокоен, сдержан, собран. И, конечно, от него не исходит той силы, какая шла от Владимира Ильича, но в общем — очень большая вещь» — письмо к З. Л. Шадурской), Ковалевская («Очень полезно, если о Софье Ковалевской будет написан хороший очерк. Она это заслужила — яркая фигура смелой русской девушки, заслужившей в науке мировую известность...») — письмо к Т. Л. Щепкиной-Куперник).

«Яркая фигура смелой русской девушки» — так сказала Александра Михайловна о Ковалевской, а ведь можно было так сказать и о Коллонтай. Когда читаешь письма Александры Михайловны, не можешь не обратить внимания: наверно, закономерно, что ее жизненная дорога пересекалась с дорогами многих выдающихся женщин, которых призвала к ак-

тивной деятельности революция. Здесь и Надежда Крупская, и Елена Стасова, и Лариса Рейснер, и Мария Андреева, и Инесса Арманд. И не только они: за годы зарубежной деятельности друзьями Коллонтай стала мощная когорта воительниц за женское равноправие. Особняком стоят женщины-дипломаты: болгарка Благоева и испанка Паленсия — сам факт назначения их на высокий пост послов мог быть воспринят Александрой Михайловной, как своеобразное продолжение традиции, у истоков которой, конечно же, стояла Александра Михайловна. Может, поэтому столь сердечными были письма Коллонтай, адресованные женщинам-дипломатам. «Глубокоуважаемый Посол Народной Республики Болгарии и дорогой товарищ Благоева, горячо приветствую Ваш приезд в Москву, как представителя нашего братского социалистического народа. Этот народ всегда, с раннего детства был особенно дорог моему сердцу и вызывал мое восхищение своим героизмом, трудолюбием и талантом». И письмо Паленсии, послу республиканской Испании и Швеции, датированное вахтенным октябрём сорок первого: «Мой дорогой друг! Какой радостью для меня было Ваше письмо из Мексики!.. Моя страна полна оптимизма. ...Все сражаются с тем энтузиазмом, который заставляет меня вспомнить вашу великую и прекрасную борьбу за свободу, борьбу вашей любимой Испании... Мой дорогой и большой друг, как страстно желаю я того дня, когда ваша прекрасная страна будет снова свободна!»

Известно, что Александре Михайловне был свойствен дар живой речи, будь то конференция на проблемную тему, полемический поединок или просто экспромт-реплика, произнесенная с трибуны. Она неизменно выступала легко, хорошо чувствуя аудиторию, ее речь была отмечена блеском. Как известно, партии были ведомы достоинства Коллонтай-трибуна, — по партийной путевке Александра Михайловна выступала во многих европейских столицах, как, впрочем, и по ту сторону океана. Полиглот, знающий многие европейские языки, кстати, и скандинавские, Коллонтай обходилась без переводчика. В какой-то мере достоинства живой речи Александры Михайловны сообщила своим письмам. В них был действителен дух импровизации — Александра Михайловна умела отыскать повод к письму, хорошая память приходила ей на помощь. Письма были коротки и емки, они умели сообщать главное, что должны были сказать в момент, когда писались, — они стимулировали дело, как, впрочем, давали новый стимул отношениям с корреспондентом.

Как известно, Коллонтай совершила две поездки за океан.

Первая в 1914—1915 годах — по заданию партии. Мир отдал себя шовинистическому угару. Чтобы убедить людей в истинном смысле войны, донести до их сознания, каковы ее настоящие цели, необходимо было немалое умение. Коллонтай явила его. «Собрания в Нью-Йорке, Расине, Милуоки всюду были переполнены, ...человек из Европы здесь пользуется большим авторитетом, и надо надеяться, что моя поездка поможет укрепить позиции здешних интернационалистов. ... Чем революционнее построена речь, тем больше ей сочувствия...» — писала она Ленину и Крупской. Завидна энергия Александры Михайловны, как и ее умение говорить с аудиторией. «Эксплуатируют они мои силы порядочно — я здесь 39 дней, ровно восемь суток провела в поездках, значит, остается 31 день на месте, а говорила всего уже 35 раз по-немецки и английски. Раза четыре-пять по-русски», — писала она Крупской в письме, идущем из Сан-Франциско в Портленд, 16 ноября 1915 года. В лекциях Коллонтай был свой смысл — об этом свидетельствует фраза в конце письма: «Резолюция, поддерживающая Циммервальд, — всегда проходит либо единогласно, либо огромным большинством». С американского берега Коллонтай увидела такое, что не очень-то давалось в Европе, — ее видению грядущего нельзя отказать в прозорливости. «Что-то новое создается, растет и крепнет в мире, — пишет она Щепкиной-Куперник из Нью-Йорка в январе шестнадцатого. — Историк скажет: люди в эпоху великой войны жили и не понимали, что они накануне всемирного исторического сдвига, что они вступают в новую историческую эру». Коллонтай убеждена, что у ее прогноза надежная опора: «Более, чем когда-либо, убеждаюсь, какой прочный научный фундамент у той исторической школы, последовательницей которой я являюсь. Как много эта школа дает для того, чтобы охватить события и найти утешение в горизонтах будущего». Провидение было точным — Февраль, а вслед за этим и Октябрь уложились в пределах предстоящего семнадцатого.

2

Убежден, что годы дипломатической работы в Стокгольме, который на взгляд одних был скрещением столбовых дорог европейской политики, по мнению других — обсерваторией европейской политической погоды, подсказали Коллонтай свой взгляд на первоприроду дипломатии, определили свое видение того, что можно назвать профессиональной концеп-

цией дипломата. Разговор, свидетелем которого я был однажды, наверно, не отвечает на все вопросы, но он важен, во-первых, потому, что в нем участвовала Александра Михайловна, а во-вторых, потому, что он прямо касался темы, затронутой выше.

Это было летом сорок восьмого года в доме отдыха под Москвой. Помню, что была середина лета, дождливого и грибного. В те редкие дни, когда бывало сухо, обитатели дома от мала до велика уходили в лес, на речку (возможно, речка брала начало от ключа, и за все лето так и не успела прогреться, оставаясь калено-студеной). В доме, пожалуй, оставались только Александра Михайловна да кто-то из ее близких, кто ей помогал и за нею ухаживал.

В такое время коляску, в которой она сидела, выкатывали на поляну или ставили под дерево. Признаюсь, что я часто наблюдал за Александрой Михайловной. Меня поражало, что даже скованная недугом она смотрела вокруг глазами, в которых не было боли. Видно, она была наблюдательным человеком: вот так, сидя одна, она умела видеть живую картину природы, возникающую в непреходящей новизне.

Как ни одиноко ей было, она редко заговаривала с отдыхающими первой, понимая, что то, что дозволено другим, не дозволено Коллонтай. Но однажды она заговорила первой — спор, возникший между молодыми дипломатами, увлек и ее.

— Но ведь не это же главное достоинство дипломата! — произнесла Александра Михайловна, улыбаясь.

Юноша, только что утверждавший, что таким достоинством является умение дипломата вовремя сказать своему оппоненту «нет», затих и медленно перевел глаза на Коллонтай.

— Тогда что, Александра Михайловна? — спросил он с почтительной робостью.

— Искусство завязывать отношения с людьми и развивать эти отношения, — сказала Коллонтай. — Дипломат, не давший своей стране новых друзей, не может называться дипломатом.

Потом я часто повторял слова Коллонтай, услышанные на поляне: «Искусство завязывать отношения с людьми и развивать эти отношения!» А потом это убежденное: «Дипломат, не давший своей стране новых друзей, не может называться дипломатом». Наверное, впечатление, произведенное этими словами, усиливалось оттого, что они были произнесены Коллонтай. Мои ровесники помнят, что Александра Михайловна

была тем нашим современником, о ком и при жизни ходили легенды. Она принадлежала к той плеяде русских революционеров, которые по силе духа и силе интеллекта были людьми редкими. Будучи жителями века девятнадцатого, они уже в то время были гражданами будущего. Известно, с каким дружеским участием и тактом Ленин руководил деятельностью Коллонтай, поощрял ее в успехах, ободрял при неудачах, бывало, и нередко критиковал, но неизменно был к ней щедро доброжелателен, добр. Именно по предложению Ильича Коллонтай была введена в состав первого Советского правительства и стала первой женщиной — народным комиссаром.

А потом дипломатическая деятельность — двадцать лет на посту чрезвычайного и полномочного посла в Скандинавии, при этом пятнадцать — в Швеции, — второго такого факта в истории нашей дипломатии нет. Помню, в ту пору, когда Коллонтай была послом, ее имя сопровождалось неизменным комментарием: «Александра Михайловна знает Скандинавию как никто лучше — у нее там еще старые связи...»

И вот встреча с Александрой Михайловной в Подмосковье и эти ее слова о главном достоинстве дипломата: «Искусство завязывать отношения и развивая их...» Сознаюсь, я часто обращался в своих мыслях к этой встрече и к этим словам Коллонтай — в них есть материал для раздумий. Как бы это было благодарно, думал я, побывать в Стокгольме и в живом общении с кругом людей, который был здесь кругом Коллонтай, нет, пожалуй, даже больше — миром Коллонтай, исследовать, как эти связи устанавливала она, устанавливала и развивала.

Наверно, тот факт, что на пути Коллонтай встретила именно Швеция, оказал свое влияние на развитие дипломатического дара Александры Михайловны. История Швеции, ее культура, характер страны и народа были хорошо известны Коллонтай. Ее здесь знали, среди видных здешних интеллигентов у нее был немалый круг друзей. Свое значение имел характер страны, чьи общественные институты, опирающиеся на известные нормы демократии, почитались в мире. Коллонтай и Швеция — значительная тема. Во время моего пребывания в Стокгольме она не раз возникала в беседе со шведскими друзьями. Свой свет на эту тему пролила беседа с известной общественной деятельницей Соней Брантинг, дочерью знаменитого Карла Брантинга, родоначальника шведской социал-демократии.

Карл Брантинг... Случилось, что на одной из площадей Стокгольма я видел групповой памятник зачинателям швед-

ского социализма. В центре группы — Брантинг. То ли он действительно был так росл, то ли авторы группы хотели возвысить его над всеми теми, кто были его сподвижниками, он выглядит в этой скульптурной группе богатырем. Казалось, дочь Брантинга должна была унаследовать эту могучесть. Признаться, я чуть-чуть растерялся, когда на другой день увидел перед собой маленькую женщину, которая, быстро приблизившись ко мне, протянула сухую и твердую руку.

— Как вы уже, наверно, знаете, отец принимал участие в судьбе г-жи Коллонтай еще накануне первой мировой войны, — начала свой рассказ Соня Брантинг. — Она прибыла в Швецию и со свойственной ей энергией начала собирать молодежь, которой была ненавистна война. У Коллонтай были сподвижники среди шведов. Она выступала на собраниях, писала в газетах. Сейчас трудно сказать, кто явился инициатором ареста Коллонтай в Швеции. Отец считал, что шведское правительство, отдавшее приказ об аресте Коллонтай, было тут не самостоятелно. Очевидно, имело место представление союзников. Может быть, русских дипломатов в Швеции. Так или иначе Коллонтай оказалась в шведской тюрьме. Вначале она сидела в Стокгольме, потом ее перевели в старинную крепость Мальмё. Но здесь уже вмешались шведские социалисты. Вопрос об аресте Коллонтай был поднят в риксдаге. Мне было тогда уже 23 года, и я хорошо помню, что позиция шведского премьера и его соратников по правительству возмущала отца. Шведские социалисты действовали чрезвычайно настоятельно, потому что была опасность выдачи Коллонтай русским. Кампания за освобождение русской революционерки велась широко: в ней участвовала общественность, пресса. Правительство вынуждено было уступить и выслать Коллонтай в Данию. Таким образом, в деле Коллонтай шведское правительство потерпело поражение. Однако чтобы как-то оправдать себя в глазах общественности, оно сочло необходимым подчеркнуть вину Коллонтай и в своем решении отметило, что высылает русскую революционерку из пределов страны навечно. Так и было записано: «Навечно».

— Наверно, такой второй случай трудно найти в истории: человек, высланный «навечно», вернулся в Швецию послом великой державы, — продолжала Соня Брантинг. — Мне кажется, что Коллонтай помнила, какое участие отец принимал в ее судьбе, и отдавала всему этому должное. Но наши отношения с Коллонтай, мои и брата, развивались уже после смерти отца. Отец умер в 1925 году, а Коллонтай прибыла в Швецию в тридцатом. В течение почти пятнадцати лет я имела возможность близко наблюдать Коллонтай. Довольно

часто я бывала у нее в посольской квартире на Виллагатан. Нередко и она нас навещала в отцовском доме на Нортуллагатан, так же как в нашем деревенском доме в Вальстаннес, в тридцати пяти километрах от Стокгольма.

Должна прямо сказать, что работа Коллонтай в Швеции была трудной, я бы сказала, даже чрезвычайно трудной. Те пятнадцать лет, которые Коллонтай пробыла в Швеции в качестве посла Советской страны, были годами сложными: война с Финляндией, советско-германский пакт, вторая мировая война — все эти и многие другие события поставили перед Коллонтай такие проблемы, какие даже для нашего нелегкого времени были проблемами трудными. Хотя мы и живем в середине XX века, но инерция предрассудков сейчас не менее велика, чем во времена прежние.

И в Швеции Коллонтай должна была преодолеть своеобразную стену этих предрассудков. Коллонтай представляла мир социализма, и одно это немало осложняло ее положение. К тому же она была послом-женщиной, что для Швеции было беспрецедентным. Я считаю — и не потому, что Коллонтай была моим другом, — она выполнила свою миссию с редким талантом. Конечно, она была умна и по-настоящему интеллигентна. Она говорила и писала на всех европейских языках. В отличие от тех послов, которые, прожив в стране много лет, так и уезжали из нее, не освоив языка страны, она в Норвегии говорила по-норвежски, в Швеции — по-шведски. Для чтения шведской прессы ей не нужны были референты-переводчики, она выступала перед шведами на их родном языке. Ее письма шведским корреспондентам нередко были написаны по-шведски. Между нею и народом страны, в которой она была аккредитована, не было, таким образом, ни языкового, ни какого-либо иного барьера. Ее собеседником мог быть рабочий и король: она была достаточно уверена в обращении с ними.

Здесь мне хотелось бы отметить одно качество моего друга — храбрость. Да, она была человеком безбоязненным. На всю жизнь мне запомнился прием в большом зале Гранд-отеля весной 1945 года, незадолго до великой победы русских, в канун отъезда Коллонтай из Швеции на Родину. Она была уже очень больна: паралич сковал ее, — не двигалась левая рука, да и движения правой руки, как мне казалось, были затруднены. Но все это можно было заметить в ней вчера, но не сегодня, на этом приеме, где торжествовала великая радость победы, перед лицом почти двухсот человек. Она сидела в своем кресле, точно освещенная светом этой радости. Она никак не обнаруживала, что больна. Она не хотела, да и не могла

этого обнаружить. Не могла допустить, чтобы ее жалели. В этом своем жизнелюбии, я так хочу думать, в этой храбрости своей она открыто и щедро приветствовала друзей Советской страны, вместе с нами радовалась победе.

Да, как отметила Соня Брантинг, храбрость, которая своеобразно соотносилась с такой чертой в характере Александры Михайловны, как открытость. Именно открытость, а следовательно, искренность, радушие, добрая воля. Не было бы этого достоинства, вряд ли она смогла бы столь успешно реализовать едва ли не главную заповедь своей миссии в том же Стокгольме: «Дипломат, не давший своей стране новых друзей, не может называться дипломатом».

Мои беседы в том же Стокгольме с людьми, которые близко знали Александру Михайловну, нередко возвращали меня в этой теме — как Коллонтай завоевывала сердца. Припоминается встреча в стокгольмском доме, хозяевами которого были известные здесь люди Густав Юхансон и Ева Пальмер.

Как было уже упомянуто, Юхансон — видный публицист, автор книги о Коллонтай «Посол революции». Пальмер — многолетний руководитель общества «Швеция — СССР».

Итак, я в доме супругов Юхансон — Пальмер.

Меня встретил хозяин, у которого все было приятно округлым — и лицо, и плечи, и улыбка. Он сделал движение рукой, которое показалось мне тоже чуть-чуть кругловатым, и представил жене. Если верно, что красивый человек всегда остается красивым, это следует сказать о Еве Пальмер. Годы не спешили отнять у нее то, что дано было ей от природы.

— Книга была издана под псевдонимом, но готов признаться: «Посол революции» — моя книга.

— А почему вы решили написать о Коллонтай книгу? Вы... именно? Потому, что она представляла Советский Союз и к тому же была послом-женщиной? Так?

Я хотел встревожить память моего собеседника, а заодно заставить его обратиться к доводам, которые не лежат на поверхности.

— Нет, не только поэтому. Главным для меня было то, что она представляла здесь Советскую страну. Я — коммунист, и это мое желание естественно. Имело ли значение, что она к тому же была женщиной? Возможно. Однако это могло и увлечь, и насторожить. Увлечь потому, что придавало теме и колорит, и своеобразие. Насторожить, потому, что отчасти по этой причине у нас о Коллонтай писали много. Правда, писали под одним знаком: старались ее изобразить дамой света.

Как она была одета на последнем приеме. Когда прибыла на прием и когда отбыла. С кем говорила. Если удавалось проникнуть в смысл беседы — о чем шла речь. Короче: пресса старалась вписать Коллонтай в картину светского Стокгольма. Быть может, все это было и колоритно, но такого автора, как я, увлечь не могло. Тогда что же увлекло меня? Меня увлекло дело!.. Все, что сделала Коллонтай на посту советского посла в Швеции! Ее вклад, на мой взгляд, неоценимый, чтобы между нашими странами было взаимопонимание. Дело — вот главное!.. И то, что это совершил советский посол, и то, что это сделала женщина!.. Однако главное — дело!

Вы же знаете, что в жизни посла есть события, которые с наибольшей полнотой отразили его умение и опыт, — продолжает Юхансон. — У Коллонтай таких событий было два: первый — договор с Финляндией, второй — договор с Финляндией. Да, март сорокового и сентябрь сорок четвертого годов. Именно через Коллонтай велись переговоры с финнами. Ее престиж, ее умение во многом способствовали тому, чтобы переговоры завершились миром. Я сказал престиж и в этой связи хочу вновь подчеркнуть: Коллонтай не только успела завоевать авторитет у шведов и в течение пятнадцати лет пребывания на посту посла СССР его умножить, она, как мне кажется, показала пример того, как можно этот авторитет обратить на пользу своего народа...

— Вы говорили о своей книге с Коллонтай?

— Да, конечно, и даже... воспользовался некоторыми документами из ее личного архива. Мы полагали, что книгу надо ограничить предреволюционной деятельностью Коллонтай. Для всего последующего тогда не настало время. Но и то, что было сказано, вызвало резонанс значительный, особенно в Скандинавии...

— Книга вышла в Скандинавских странах?

— Да, в Финляндии, Норвегии, Дании...

Юхансон, кажется, подвел меня к тому, чтобы я задал ему вопрос, ради которого я пришел в этот дом.

— А вот если бы вам пришлось продолжить свою книгу... вы бы поставили вопрос именно так, как только что сказали мне: дело — вот главное?..

— Да, несомненно... постарался бы рассказать о том, что удалось ей сделать в эти пятнадцать лет в Швеции...

— И чем бы вы объяснили ее успех?

Круглая грудь моего собеседника исторгла вздох, как мне кажется, облегченный: он понял, ради, чего я громоздил свои вопросы.

— У нее были и ум, и страсть, которая так необходима человеку, чтобы энергия его не остывала, в любом возрасте — не остывала, и обаяние, без которого, наверно, нет посла... Короче: она умела располагать к себе людей и делать их своими друзьями, а следовательно, и друзьями своей страны... Но это, пожалуй, лучше меня объяснит Ева, — взглянул он на жену, которая, не оставляя обязанностей предупредительной хозяйки, с почтительным вниманием следила за беседой.

— Когда Коллонтай начинала, не многие отваживались идти в советское посольство, — сказала Ева, пододвигая свой стул. — Понятие «советский» вызывало смтение, больше того — страх немалый. Поэтому нужен был такой человек, как Коллонтай, чтобы завязать первый узелок отношений. В посольство могли и не пойти, а к Коллонтай шли. Но и к ней шли только самые смелые. Группа стокгольмских интеллигентов, которые собирались у Коллонтай, была известна в городе под именем «кружка Коллонтай». Люди разные, хотя в своем роде и единомышленники. Что вело их к Коллонтай? Очевидно, симпатии к СССР, но в не меньшей степени — антифашизм. Да, это было время, когда фашизм набирал силы, и поэтому симпатии к Советской стране носили воинственно антифашистский характер. Я это знаю потому, что кружок Коллонтай посещал мой отец, он был профессором химии. И там были некоторые его коллеги, все воинственные антифашисты. Люди непреклонные в своих симпатиях и антипатиях. Процесс Димитрова. Война в Испании. Мюнхен. Их ненависть к фашизму нередко выражалась не столько в речах, сколько в смехе. Нередко в этом кружке появлялся Карл Герхард — талантливый актер-сатирик, в памфлетах которого был один враг — фашизм. Песенка о троянском коне, посвященная немцам, поселившимся в Швеции и готовым взорвать ее изнутри, была одной из самых популярных песен в ту пору. Он и его друзья, настроенные так же непримиримо к немцам, были постоянными гостями на приемах Коллонтай. Кружок Коллонтай стал ядром общества «Швеция — СССР», деятельность которого отразила новую фазу отношений шведов к Советской стране, все то, что было вызвано советской победой над фашизмом... Да и приемы в советском посольстве обрели иные масштабы — посольская квартира Коллонтай стала явно мала для таких приемов. Тот же Герхард как-то сказал: «Пригласили двести гостей, а пришло пятьсот!» Однако хозяйка, казалось, была рада всем пятистам — и тем, кого пригласили, и тем, кто пришел сам.

— Надо было видеть, с каким искусством она вела себя на

таким приеме, — подхватывает Юхансон. — Она была мастером короткой беседы, мгновенно сымпровизированной, полной ума и юмора. Я часто думал, как в ее сознании складываются десятки и десятки бесед, которые она успевала провести в течение такого приема. Ведь эти беседы ею осмысливались и, очевидно, приводились к общему знаменателю и помогали понять, что происходит в мире, что происходит в Швеции... В общем, она была хозяйкой большого дома, дома открытого...

Мы проходим в следующую комнату. На стене — портрет. Человек преклонных лет. Умное, доброе и красивое лицо.

— Кто это? — спрашиваю я у хозяйки.

— Отец... Да, я говорила вам о нем... Кружок Коллонтай — это он.

Я поднимаю глаза на портрет отца Евы. Наверно, она пошла в общество «СССР — Швеция» и стала его вице-президентом не только потому, что была дочерью своего отца, но, быть может, немножко и поэтому.

3

Бесценное качество Коллонтай — сделать своими друзьями не просто людей иной национальности, но иного социального, быть может, даже классового клана. Когда я впервые явился к известному стокгольмскому медику Нанне Сварц, которая летом сорок второго после тяжелейшего приступа, постигшего Коллонтай, вернула нашего посла к жизни, профессор встретила меня фразой более чем неожиданной: «Только имейте в виду: я — не коммунистка...» Оказывается, женщина, спасшая Коллонтай, была так далека от истинной веры Александры Михайловны, чтобы сказать: «Я — не коммунистка». Очевидно, решающим обстоятельством, определившим отношение Нанны Сварц к Коллонтай, являлось человеческое достоинство русской, ее гуманизм, быть может, даже ее образ женщины-воительницы за свободу и справедливость. Но не только это: Швеция, внимательно следившая за каждым шагом Коллонтай, наверняка отмечала для себя широту взглядов русского посла, ее стремление привлекать к кругу своих друзей людей разных убеждений. Прибыв в Стокгольм, я попросил мою обязательную советчицу и спутницу Ирину Львовну Стренд назвать имена тех шведов, кто близко стоял к Коллонтай. В обширном списке, который предложила Ири-

на Стренд, я увидел людей разных человеческих, а возможно, и политических характеристик. Рядом с Эми Лоренсон, многолетней помощницей и секретарем Коллонтай, в полном смысле этого слова единомышленницей Александры Михайловны, значилось имя Ады Нильсон, которая была, как здесь иногда говорили, не более, как симпатизанткой, — конечно, нашим давним и верным другом, но человеком, чьи главные принципы могли и не совпадать с нашими.

А между тем показателем того, как дорожила Александра Михайловна своей дружбой с Нильсон, является тот факт, что в архиве шведки сохранилось триста писем Коллонтай, адресованных ей. Можно подумать, что тут имели свой смысл для Александры Михайловны человеческие достоинства Нильсон, но немалое значение приобретал и поиск общих точек соприкосновения в сфере политической, — не надо забывать, сколь ответственно было время: канун войны, война.

Так или иначе, а история отношений Коллонтай с Нильсон в высшей степени показательна, — рассказами об отношении Александры Михайловны к Нильсон, а вслед за этим к Карлу Линдхагену мы хотим ответить на главный вопрос статьи: как Александра Михайловна — посол и государственный человек строила свои отношения с людьми в Швеции, как она делала их друзьями Советской страны.

Ирина Львовна пытается припомнить все, что знает об Аде Нильсон. Известный врач, популярный и широко читаемый в Швеции, она посвятила себя борьбе за женское равноправие. Человек бескомпромиссный, она по своим взглядам была скорее либералом, чем социалистом. Однако это не мешало ей быть другом Коллонтай. Наверно, то, что могла бы рассказать Ада Нильсон о шведских связях Александры Михайловны, вряд ли поведал бы кто-то другой из шведов, но Нильсон немногим пережила свою русскую подругу.

— Однако, быть может, сохранились какие-то свидетельства их отношений... ведь их дружба длилась десятилетия?

— Письма?..

— Возможно, и письма.

— Да, письма должны быть... по крайней мере триста писем Коллонтай к Аде Нильсон.

Прошло несколько дней, однако они мало прибавили к тому, что мне сказала Ирина Львовна. Письма целы, но в соответствии с волей Ады они переданы библиотеке Гётеборга. Чтобы «прикоснуться» к письмам, надо или выехать в Гётеборг, или затребовать письма в Стокгольм. Но и это реше-

ние пока принять нельзя — сегодня этих писем в библиотеке нет.

— Хорошо, если нет возможности увидеть все письма, быть может, удастся «прикоснуться» к некоторым?

— Есть текст мемуаров Ады Нильсон...

— И там... письма Коллонтай?

— Да.

И вот передо мною воспоминания Ады Нильсон, и в них большая глава, посвященная истории почти тридцатилетней дружбы с Коллонтай. Но меня интересуют письма, в первую очередь — письма. Здесь их много, однако самым ярким является вот это — из Сальтшебадена, в нем — вся Коллонтай, ее ощущение полноты жизни, ее восприятие прекрасного, ее отношение к труду дипломата, ее понимание этого труда.

В письме точно обозначен характер отношений Коллонтай и Нильсон: «Моя милая, милая Ада, вчера мне очень хотелось сказать тебе, как высоко я ценю нашу дружбу и как я тебе благодарна за все, что ты даешь мне. Наша духовная гармония, наше единодушие, когда речь идет о мировых событиях и роли моей страны — первой страны социализма... именно это и важно».

Как точно мысль Коллонтай о внешней политике ближайшего будущего перекликается с тем, что делает сегодня советская дипломатия: «XX век за 30—40 лет ушел вперед на несколько сотен лет. Именно вперед — вопреки всему! Разве не появился совершенно новый способ разрешать конфликты между государствами, который теперь осуществляет СССР? Разве не умнее и не гуманнее разрешать проблемы путем переговоров, а не хвататься за оружие? В этом заложена совершенно новая идея, новый метод. ...Я вижу очертания внешней политики будущего. Возможно, еще будут войны, несколько войн, но уже развивается новый метод... которым человек будет разрешать конфликты между государствами. И это делает меня счастливой. В особенности же то, что именно Советский Союз пытается идти таким путем».

Ценность писем к Аде Нильсон в том, что они дают представление о жизни и настроениях Александры Михайловны в канун войны и во время войны. Как известно, Александра Михайловна была делегатом СССР в Лиге Наций. Коллонтай часто писала Нильсон из Женевы. Ее письма Нильсон, помеченные тридцать шестым — тридцать восьмым годами, отражают чувство тревоги, которое охватило тогда и Коллонтай, — фашизм наращивал силы, а англо-францу-

зы все еще пытались совладать с ним с помощью умиротворения.

«Испания — как это больно!.. На поле битвы решается не только судьба Испании — не только Европы — судьба всего мира — фашизм пытается победить демократию!»

Поражает доверительность, с какой Коллонтай обращается к своей корреспондентке, — в этой доверительности вера в ее высокие нравственные достоинства, сознание, что защита мира является одинаково дорогой для них обеих.

«Женева, 22/9 1938. Мы живем в тревожной, нервной атмосфере. Принесение Чехословакии в жертву не может удовлетворить агрессоров. Они предъявят новые требования. А Испания! А Китай!.. Отвратительная политика агрессоров здесь ощущается еще сильнее...»

И вот началась война.

Коллонтай видела свою задачу в том, чтобы в той мере, в какой это зависит от посла СССР, воспрепятствовать вступлению Швеции в войну на стороне Германии, сберечь шведский нейтралитет. Эта задача была архитрудной. Слишком могущественны были силы, склонявшие Швецию к поддержке агрессора. Временами Швеция даже не балансировала, — чаша весов определенно склонялась в пользу немцев — каждый четвертый или пятый снаряд, падающий на русскую землю, был сделан из шведского металла.

Немцы требовали большего — об этом свидетельствует Ада Нильсон, рассказывая о жизни Коллонтай в эти дни.

«В середине лета 41-го года Финляндия обратилась к шведскому правительству с просьбой разрешить немецкой дивизии пройти из Южной Норвегии через Швецию в Финляндию. Срочно собрался риксдаг, и согласие было дано... Я была приглашена на обед в Виллагатан.

— Ну, что ты теперь скажешь? — был первый вопрос Коллонтай.

— Да, неприятно, — ответила я, — но власти дали разрешение, и теперь можно только сожалеть об этом.

— Ясно, что это отклонение от нейтралитета...»

Как ни горестны были эти события, Александра Михайловна делала все, чтобы удержать Швецию от вступления в войну. Линия шведского нейтралитета напоминала кривую, которая чутко улавливала положение на фронте. Дважды излом этой кривой был особенно крут. Первый раз в самом начале войны. Второй раз: летом сорок второго года, когда пал Севастополь и немцы захватили Донбасс. Шведский нейтралитет, даже в тех неполноценных формах, какие он

обрел к тому времени, подвергся наихудшей атаке, — прогерманизм обрел силу, какую он не имел в Швеции никогда прежде. Не трудно представить себе положение советского посла в эти дни. Чем сложнее было положение дел на фронте, тем более неприязненным был тон большой прессы. Во враждебных письмах не было недостатка и прежде, сейчас количество их возросло заметно. По давней традиции революционных лет Коллонтай считала: как ни суровы испытания, есть возможность с ними совладать. В центре благополучной Швеции, на комфортабельной Виллагатан был принят образ жизни, которым жила военная Россия. Работали круглые сутки, ограничили часы сна. В середине августа, когда положение на фронте стало особенно тревожным, Коллонтай не спала несколько ночей. Врачи предупредили Александру Михайловну, что это может плохо кончиться. Она пренебрегла предостережением — исход для Александры Михайловны был трагическим.

Вот свидетельство Ады Нильсон:

«...В середине августа 42-го года я должна была поехать... в отпуск и обратилась к инженеру Коллонтай¹ с просьбой следить, чтобы Александра не работала до упаду. «Ах, — ответил он, — Вы сами знаете, что она не разрешает влиять на себя, работа для нее прежде всего». Но это и привело к беде. Коллонтай сидела непрерывно по 8 часов за письменным столом, и когда она вечером должна была сесть в лифт, чтобы подняться в свою комнату, у нее произошло тяжелое кровоизлияние в мозг. Она не потеряла сознания, пока не привела в порядок, как обычно, свои бумаги, но в тот же вечер ее перевезли в больницу... Ее многолетний секретарь, фру Лоренсон, на следующее утро позвонила мне... Сойдя с поезда, который прибыл на центральный вокзал около 10 вечера, я поехала прямо в больницу, где старшая медсестра Инга Бьорнлунд ждала меня в дверях и провела в комнату больной. Там меня ждало тяжелое зрелище. Лицо ее было сине-черным, деформированным, надежды на жизнь, казалось, почти не было...

Большинство врачей считали, что случай безнадежен... Профессор Сварц считала, что можно попытаться сделать инъекции гепарина. Этот метод лечения был тогда спорным... Врачи-консультанты придерживались разных точек зрения. С согласия инженера Коллонтай проф. Сварц сделала такую попытку: она сама сделала инъекцию — медленно и осторожно

¹ Речь идет о сыне А. М. Коллонтай. (Примеч. автора.)

но, я стояла и проверяла пульс — и после небольшого промежутка времени пациентка глубоко вздохнула и с тех пор стала дышать спокойно... Жизнь была спасена».

Рассказ Ады Нильсон о страдных днях Коллонтай летом сорок второго поражает сопереживанием, — человек, неспособный принять близко к сердцу боль другого, так переживать не будет. Значит, чувство дружбы, о котором мы говорили, цитируя письмо Александры Михайловны к Нильсон, несомненно было взаимным.

Если же продолжить тему, обозначенную в начале рассказа об Аде Нильсон, есть смысл, как было упомянуто, поведать об отношениях Коллонтай с другим ее корреспондентом — стоковым бургомистром Карлом Линдхагеном. Способность охранить отношения от натиска времени, не дать траве забвенья подолбить их — значит протянуть нить дружбы от дня ко дню. Коллонтай это делала бесподобно. Пример — Линдхаген. Но не будем голословны — воссоздадим историю этих отношений, они того стоят.

Карл Линдхаген — видный шведский социалист левого толка. На той знаменитой фотографии, где возвращающийся в Россию Ленин шагает вместе с группой шведских друзей, Линдхаген — рядом с Лениным. Да, вот этот рослый, в коротком пальто и модной шляпе, которую он надел с некоторой франтоватостью, слегка набекрень... Линдхаген был одним из тех, кого решительно не устроила программа шведских социал-демократов. Он говорил об этом. Его авторитет многолетнего бургомистра Стокгольма был столь велик, что он продолжал оставаться на этом посту и после того, как стал коммунистом.

Сестра Карла — Анна Линдхаген была ему верным помощником. По ее почину, в частности, Стокгольм был окружен сетью маленьких дач-садов, построенных для трудящихся. Жена Карла — Йенни Мария Хелен Линдхаген была известной деятельницей организации молодых рабочих Швеции. Таким образом, семья Линдхагенов была одной из тех шведских семей, которые посвятили себя служению общественным идеалам. В высшей степени показательно, что Коллонтай обратила внимание именно на эту семью.

Писем Коллонтай к Линдхагену в архиве истории рабочего движения Швеции не оказалось. Мне сказали, что, прежде чем я прекращу свои поиски, мне необходимо попытаться счастья еще в нескольких местах. Одно из них: городской архив Стокгольма. Не буду пытать читателя, как, разыскивая письма Коллонтай к Линдхагену, я приходил в этот архив вновь

и вновь, однако писем не обнаруживал, — своей удачей я обязан молодым архивариусам, да, как это не необычно, двадцатилетним архивариусам, которые, узнав, что я приехал из Москвы именно по этому поводу, развили энергию завидную и добыли письма Коллонтай стокгольмскому бургомистру, все, сколько их было.

— Кажется, нам удалось найти письма, о которых вы просили, — говорит архивариус, указывая глазами на папки, лежащие в центре стола. — Сочетание таких имен, как Коллонтай и Линдхаген, для нас столь значительно... Одним словом, мы нашли то, что искали...

Я открываю первую папку и невольно ловлю себя на том, что делаю это с той робкой неторопливостью, какая вдруг появляется в тебе, когда перед тобой нечто ценное. Обращаю внимание на характерную печатку Александры Михайловны, поставленную в левом углу каждой страницы, — ромб и вписанные в него инициалы. Если судить по письмам, то первая встреча Коллонтай с Карлом Линдхагеном произошла в 1910 году в Копенгагене в дни конгресса II Интернационала, а может быть, в Мальмё, где Александра Михайловна выступала в дни конгресса с речью. Два первых письма Александры Михайловны Линдхагену написаны в течение года, прошедшего после конгресса. Первое послано из Вены и имеет дату: 12 октября 1910 года.

Письмо лаконично, но в нем добрая воля Александры Михайловны обнаружена вполне — Коллонтай просит Линдхагена передать привет Карлу Брантингу. Второе письмо — без даты. К счастью, это не письмо, а открытка, и почтовые штемпели могут сообщить дату отправления и получения: отправлено 26 июня 1911 года, получено 28 июня.

Александра Михайловна благодарит Линдхагена за присылку материалов «для русского закона» (очевидно, о труде) и пользуетя случаем, чтобы отозваться о статье шведа, которую прочла накануне: «С большим интересом я также прочла Вашу статью, написанную так ясно, талантливо и популярно».

Третье письмо помечено 1914 годом (дата поставлена не рукой Коллонтай и взята в скобки, очевидно, письмо датировано адресатом). Коллонтай обращается с просьбой к фру Линдхаген. Сама просьба характерна: из круга своих стокгольмских друзей, которых к тому времени было немало, Александра Михайловна выбрала именно семью Линдхагенов, чтобы обратиться с этой просьбой. По-моему, это показывает, что в дни пребывания в Швеции (а это было в тот са-

мый приезд Коллонтай в Швецию, когда она подверглась жестокой атаке правительства и прессы, была арестована и выслана из страны) Александра Михайловна сблизилась с семьей Линдхагенов и, очевидно, семья эта помогла ей немало — в письме есть указание на это.

«Глубокоуважаемая и дорогая товарищ Линдхаген!

Прежде всего хочу сердечно поблагодарить Вас и Ваше милого мужа за Вашу любезность и доброту. Вы не можете себе представить, как мне было тяжело покидать Швецию!»

Следующие три письма адресованы Анне Линдхаген, сестре Карла Линдхагена, — мне кажется, что именно Анна Линдхаген на первых порах сыграла важную роль, чтобы сблизить Александру Михайловну с семьей Линдхагенов.

Письмо выдержано в тоне благородной простоты и строгости, какой был принят в отношениях между товарищами по борьбе. «Шлю Вам свой дружеский привет и желаю сохранить хорошее настроение, быть полной сил и мужества. В наше грустное время так нужно мужество!» Второе письмо Анне Линдхаген определяет следующий шаг в отношениях корреспондентов, в нем сильнее дружески-доверительная интонация.

«Я верю, я уверена, что Вы сейчас же ответите мне телеграфом «Да», как я сама делаю. Еще остается согласовать вопрос о том, чтобы организовать временный центр женщин-социалисток, пока Клара в тюрьме. ... Дорогой товарищ, я буду счастлива получить, наконец, новости о Вашей жизни. ... С уважением и дружеским приветом Вашему брату и его жене».

На письмах нет даты, но, по всей вероятности, они написаны в первой половине пятнадцатого года. В частности, на это указывает фраза «...пока Клара в тюрьме...» — как известно, Клара Цеткин была заключена в тюрьму после возвращения с конференции в Берне, направленной против войны. Последняя фраза второго письма: «...с уважением и дружеским приветом Вашему брату и его жене...» указывает: Коллонтай уже была знакома с семьей Линдхагенов достаточно. Письмо Карлу Линдхагену прямо посвящено неизлечимой проблеме войны.

В этом письме больше, чем в предыдущих, чувствуется жизнелюбиво-деятельная натура Коллонтай, ее умение говорить с друзьями с той искренностью и прямотой, которая так располагала к Коллонтай и вызывала доверие людей к ней.

Терпимо, но твердо Александра Михайловна оспаривает

мнение Линдхагена все по тому же вопросу об отношении социалистов к войне — впрочем, письмо заканчивается вполне миролюбиво.

«Бесконечно жаль, дорогой товарищ, что не имела удовольствия увидеться с Вами. Но я уверена и надеюсь, что мы... будем работать вместе для общего дела. ... Желая Вам, дорогой товарищ, всего хорошего, успеха в нашей работе и мужества в жизни, которая всегда так трудна!

Ваша Александра Коллонтай».

Мне кажется, что из ранних писем Коллонтай семье Линдхагена в мои руки попали лишь некоторые, но и они дают представление о характере отношений Александры Михайловны с семьей стокгольмского бургомистра. Это отношения друзей, объединенных верностью социалистическому идеалу. Письма показывают, сколь благородной была первооснова отношений Александры Михайловны с семьей Линдхагенов, — впрочем, благодатному этому началу еще предстояло себя обнаружить.

Последнее из предреволюционных писем написано осенью пятнадцатого года.

Следующее письмо (повторяю: из имеющихся у меня) почти через пятнадцать лет, а именно: в июне 1930 года.

Два письма.

Первое писала русская революционерка Коллонтай, второе — посланник Коллонтай.

Если быть точным, то июньское послание Линдхагеном написано до того, как Александра Михайловна стала посланником.

«25 июня 1930 г. Уважаемые и дорогие фру и герр Линдхаген, я опять приехала в Стокгольм на короткое время. Не доставите ли Вы мне большое удовольствие и не отобедаете ли у меня?»

...С наилучшими пожеланиями Вам и Вашей дорогой жене, Ваша Александра Коллонтай».

Следующее письмо помечено тридцать первым годом — это уже письмо посланника. Коллонтай часто пишет Линдхагену, — в нашем распоряжении письма, обнимающие почти все годы дипломатической работы Александры Михайловны в Швеции. Письма эти показывают, с каким искусством Коллонтай — посланник и посол — поддерживала свои стокгольмские контакты. Если говорить о стиле этих писем, то они в какой-то мере напоминают беседу Коллонтай на большом приеме — письма лаконичны, точны, исполнены ясной мысли. Замечательна способность Коллонтай найти повод для та-

кого письма: разумеется, приглашение в посольство или в загородную резиденцию посольства («Надеюсь, что Вы не забыли, что я с радостью жду Вас в воскресенье, 3 мая к себе на завтрак?», «26 января я устраиваю чай между 4 и 6 часами у себя (Виллагатан, 15), если Вы будете, это будет большой радостью для меня», «Мне будет приятно, если Вы и фру Линдхаген приедете ко мне позавтракать и мы поговорим подробно обо всех волнующих нас вопросах» и т. д.), но далеко не только это. Коллонтай откликается на новую книгу Линдхагена («С большим удовольствием я прочла Ваше «Движение» и, как всегда, восхищена свежим течением Вашей мысли»). Благодарит за письмо («Благодарю Вас за интересную запись на заседании первой палаты от 30 апреля. Очень любезно было с Вашей стороны вспомнить обо мне»). Делится впечатлением о речи Линдхагена в риксдаге («Очень интересно бывает прочесть Ваши выступления на страницах «Риксдагсферхандлинггар». Мир был бы лучше, если бы в нем было больше людей, которые думают и действуют, как бургомистр Линдхаген»). Выражает признательность за присылку мемуаров («Это в высшей степени интересная книга. Для меня она представляет особый интерес из-за описания событий, имевших место во время Вашей поездки по Англии в восемнадцатом году»). Благодарит за предложения, которые Линдхаген сделал в Малой Палате риксдага и которые касались улучшения экономических контактов с СССР («Хочу сердечно поблагодарить Вас за предложения в Малой Палате и за протокол риксдага. Один экземпляр я послала герру Литвинову с приветом от бургомистра»).

Как свидетельствуют эти письма, Коллонтай читает все книги Линдхагена. Она не пропускает ни единой его речи в риксдаге. Она в курсе его бургомистерских дел. Она читает все, что сообщает о Линдхагене пресса... Разумеется, она все это делает по обязанности старого товарища и друга, но не в последнюю очередь обращается к этому в силу непреклонных обязанностей посла. Именно в силу своих обязанностей посла она считает необходимым замечать все события в жизни Линдхагена и реагировать на них. Двадцать три письма, написанных Линдхагену послом Коллонтай, достаточно свидетельствуют об этом, как наверняка в еще большей степени свидетельствуют беседы Коллонтай со шведским другом. Письма указывают на то, что эти беседы были часты: «...Скоро я совсем поправлюсь и буду рада встретиться с бургомистром у меня или в Олстене», «Я была бы очень рада видеть Вас у себя... Позволю Вам, чтобы договориться, когда мы сможем встретиться. Лучшие пожелания также и фру Линдхаген»,

«Я охотно приеду в Олстен, как только у меня будет немного времени. Всю зиму было много работы, а свободного времени никакого».

И вот итог: Линдхаген был одним из тех шведских друзей, на кого Коллонтай опиралась в своих усилиях, направленных на улучшение отношений с Советской страной. Надо думать, что Линдхаген стоял на этих позициях в силу социалистических убеждений, в силу веры своей, что дружба с великим соседом на Востоке отвечает коренным интересам Швеции, однако в том, как он обнаружил эту свою позицию и реализовал, не последнюю роль играли отношения с Коллонтай, отношения многолетние и истинно дружеские. Все годы, пока Коллонтай была послом в Швеции, она могла рассчитывать на совет, дружеское участие и внимание Линдхагена. На совет и участие даже тогда, когда отношения между нашими странами подвергались жестоким испытаниям.

В мае сорок первого, за месяц до того, как вермахт атаковал советские рубежи, Коллонтай писала Линдхагену:

«Я абсолютно согласна с Вами, что между Швецией и Советским Союзом будет царить согласие в совместной борьбе за мир, и я верю, что мы делаем все, что в наших силах.

Как-нибудь приеду к бургомистру, чтобы обсудить все большие и интересные проблемы, которые затронуты в Вашем выступлении и в письмах ко мне».

И почти год спустя, когда Советская страна крушила гитлеровскую военную машину:

«Примите мою самую искреннюю благодарность за Ваше замечательное письмо. Меня радует, что оно написано так дружески».

Говорят, хороший посол тем и отличается от всех прочих, что каждый новый день его деятельности дарит стране новых друзей. История отношений Коллонтай с семьей Линдхагенов показывает, что Александра Михайловна была именно таким послом.

4

Быть может, характерной гранью личности Коллонтай была ее склонность помогать талантливым людям, ее желание оказывать содействие делу, которое она считала для общества полезным.

Убедительный пример — внимание, которое она оказала

шведской писательнице Эллен Микельсен, решившей написать книгу на своеобразную и по-своему актуальную тему — «Женщины русской революции».

Полагаю, что этот поступок Коллонтай сообщает ее портрету новую и, хочу думать, значительную черту. Но обратимся к подробностям.

Впервые имя Эллен Микельсен я услышал от хранителя славянского отдела Королевской библиотеки Стокгольма Стефана Даля. Узнав, что я интересуюсь посольской деятельностью Коллонтай, он сообщил, что в каталоге отдела обнаружена запись о письмах Александры Михайловны к Э. Микельсен. Писались они в то время, когда шла работа над книгой «Женщины русской революции». Даль любезно предоставил в мое полное распоряжение микрофильм со всех ста писем Коллонтай. Надо ли говорить, как я был счастлив! В моих руках оказался документ, характеризующий нашего посла еще и как литератора. Я привез микрофильм в Москву. Предстояло перевести и расшифровать все письма. В этой непростой работе неоценимую помощь оказала мне Эми Генриховна Лоренсон — любимейший секретарь и большой друг Александры Михайловны. Она же, знавшая Микельсен лично, рассказала, как однажды к Коллонтай, назначенной советским послом в Норвегию, приехала из Швеции немолодая учительница, пробующая силы в литературе. Это была Микельсен, решившая написать о Коллонтай. Начиная писательница жила в промышленном городе Окселесунде, через который шла в Европу шведская руда. Видимо, общение с простыми людьми — город-то был рабочий — подсказало Эллен Микельсен тему: русская революция. Александра Михайловна тут же стала уговаривать ее написать о женщинах русской революции, пообещав всяческую поддержку. Человек слова, она выполнила свое обещание: посылала в Окселесунд книги, просматривала первые главы рукописи, хлопотала о поездке автора в Москву для работы в архивах.

«...Надеюсь, что мы увидимся, и я радуюсь Вашей книге», — пишет она в одном из первых писем шведке.

Одна из глав книги была посвящена Вере Фигнер. Коллонтай, зная об этом, торопится помочь автору.

«Я пересылаю Вам, — сообщает она, — письмо Веры Фигнер. Это письмо, в котором есть что-то очень милое, очарование личности женщины, которая его написала...»

Судя по всему, Микельсен нелегко давалась глава о Н. К. Крупской. Коллонтай, помогая автору советами, беспо-

коилась: «Как Ваша работа? Вы начали писать о Крупской?.. Знаете, не так уж много есть людей, у которых те же интересы, что и у нас обеих... Все эти женские образы для Вас так же, как и для меня, — радость, наслаждение... Мне больше нравятся прекрасные женские типы, чем «великие мужи». Возникает чувство удовлетворения, гордости, когда видишь, что женщина пробивается вперед».

«Наша работа, как альпинизм, — пишет Александра Михайловна, — торопишься наверх, к вершине, задыхаясь поднимаешься: «Ну, вершина достигнута!» Но это лишь оптический обман: среди окружающих горных вершин гордо высится новый крутой пик».

Поднимает голову фашизм, и письма Александры Михайловны полны тревоги и беспокойства. Единственно, о чем умалчивают в своих достаточно откровенных посланиях обе корреспондентки — это о той части книги, которая должна быть посвящена самой Коллонтай. И все же, прежде чем приступить к седьмой главе, изложив свои соображения, Микельсен спросила Александру Михайловну, какой она хотела бы сама видеть эту главу.

Вот что ответила писательнице Коллонтай: «Дорогой друг, спасибо за письмо. Я думала о биографии А. К. А не должны были Вы написать ее совсем по-другому? Я бы взяла очень резкие высказывания белой прессы и буржуазной цензуры, две-три наиболее грубых цитаты. Затем цитаты из прессы, которая высказывает симпатию к К. в разные периоды ее жизни. Затем кратко несколько острых моментов ее биографии. Особенно последних лет (с 14 по 31 г.), и потом вдруг неожиданно — детство и т. д. Это было бы более интересно. И меньше защиты А. К. Иначе получается необъективно, слишком много личной симпатии, слишком много защиты, больше реальных резких фактов, противоположных по своей сути. Женщина и политик, государственные дела и заботы женщины-матери. Понимаете ли Вы меня? Обнимаю Вас...»

Вскоре книга была закончена, и шведка тотчас же прислала рукопись Коллонтай. Александра Михайловна ее сразу прочла и сразу ответила автору: «Дорогой друг, да, книга удалась. Я еще раз перечла ее поздним вечером, и всю ночь перед моими глазами стояли эти женские образы... Относительно А. К. — не смогла прочесть. Со мной так случается — бывают периоды, когда я этого не могу. Мне «скучно». Но книга хороша и выдержана в едином стиле. ... от всего сердца поздравляю Вас...»

В тот вечер Александра Михайловна действительно не

прочитала седьмую главу, но думаю, не потому, что ей было «скучно», скорее всего она просто боялась разочарования. Но когда в конце концов глава была прочитана, она тут же написала автору: «Дорогой друг, да, я только что прочла статью об А. К. и еще под сильным впечатлением — абсолютно художественного произведения. Поздравляю!

Я читала и забывала, что связана с этим текстом, — это было наслаждение, следить за динамикой и настроением описания. Я думаю, теперь цель достигнута. ... Это была великолепная идея написать эту книгу. Я чувствую, что Вы будете иметь успех, и радуюсь этому...»

5

Известно, что последние годы жизни Александры Михайловны работала над своими воспоминаниями. На это указывают и некоторые из писем Александры Михайловны, в частности письмо Семену Максимовичу Мирному от 17 ноября 1950 года. Мирный — давний сподвижник Коллонтай по дипломатической страде в Стокгольме. Человек эрудированный, профессиональный дипломат и историк, он был многие годы в курсе интересов Коллонтай. Семен Максимович, как можно понять, был полезен Александре Михайловне и в пору ее работы над текстами записок, — Мирному это было тем более с руки, что именно в эти годы он работал в Ленинской библиотеке, где в его распоряжении был значительный справочный материал. Впрочем, Коллонтай установила, как можно понять, пределы помощи — это следует и из текста ее письма Мирному.

«Дорогой Семен Максимович! Спасибо, что Вы всегда думаете о материале, который мне может пригодиться, но Вы не представляете себе моих записок о годах дипломатии. Я не базируюсь на документах, в этом ценность моих записок. Пишу о том, что видела сама, о тех людях и впечатлениях, которые вынесла лично. Сверяю иногда лишь какую-нибудь дату, если ее упустила в записках. Для будущих историков интересно будет непосредственное впечатление живого участника тех лет. Это будет дело будущих историков сверять свои данные с документами других современников и делать свои выводы... Мы все грешим тем, что не оставляем для истории даже переписки между членами партии нашего времени, а она часто дает свежую картину происходящего. Кое-что из писем я сохранила. Через сто лет это будут читать с увлечением и по-новому поймут наши трудности и наши победы

и достижения... Горячий привет Вам, дорогой друг, не забывайте меня».

Молва утверждает, что Александра Михайловна завещала опубликовать свои записки, если не через сто лет, как она обмолвилась в письме к Мирному, то через сорок-пятьдесят. Однако почему Коллонтай, работавшая над воспоминаниями в конце сороковых и в начале пятидесятых годов, отнесла опубликование их на девяностые годы? Очевидно, прозорливая Александра Михайловна убедила себя, что именно к этим годам созреют условия, позволяющие сказать полную правду о культе личности. Если так, то Коллонтай оказалась не столь далека от истины.

Что же касается писем, то, по крайней мере, в тех из них, которые известны нам, проблемы культа отсутствуют. Коллонтай обошла этот вопрос в своих письмах даже тогда, когда к этому подводила ее суть написанного. Как в том письме к Щепкиной-Куперник от 18 августа 1947 года, где она говорит о Павле Ефимовиче Дыбенко. Матрос Балтфлота, член партии с двенадцатого, он в семнадцатом — председатель Центробалта, в восемнадцатом — нарком по морским делам, позже — командующий группой войск... В истинном смысле слова сын народа и герой Октября, он в тридцать восьмом стал жертвой культа... Дыбенко и Коллонтай связывало сильное чувство. Оно народилось, можно предположить, не без участия тех романтических лет... Не об этом ли, правда, глухо, можно прочесть в письме, которое мы упомянули выше? «Разбираю свой архив, сейчас «роман» мой с Д. Любопытно, больно порою, порою удивляюсь, что так много было мук... Слишком много «психологии» и «чувств». А люди любят теперь факты и будут их искать и через 50 лет...» Есть смысл повторить: чтобы понять происшедшее, наверно, надо его точно вписать в панораму, соотносить со временем... Нельзя понять характер Коллонтай, ее волю, ее способность владеть собой, подчиняя суровому контролю режим бытия, если не учесть, какой порядок она установила для себя в годы своей дипломатической вахты. Те из ее друзей, которые называли ее «дипломатической схимницей», были недалеко от истины. Исключение, пожалуй, составляла ее привязанность к сыну Михаилу и его семье, — любовь к сыну, желание быть рядом с ним, если необходимо даже на какое-то время переселиться из Старого Света в Новый, прорывается в письмах Александры Михайловны с силой трогательной.

И подлинной религией Коллонтай была ее работа — конечно, воодушевление, конечно, увлечение, но еще сознание

долга — ее стокгольмскую миссию наши потомки назовут подвигом и будут правы. Зоя Шадурская, близкий друг и многолетний корреспондент Коллонтай, окрестила Коллонтай иначе — «Муравей». Буднично, но не обидно, если учесть, что пафосом деятельности были талант и труд. Именно талант — Александра Михайловна была очень талантливым человеком, как, впрочем, редким тружеником, понимающим, что истинные ценности без труда не создаются. Едва ли не сорок пять лет минуло со времени отъезда Коллонтай из Стокгольма, а следы ее усилий зримы и сегодня. Прежде всего в значительных дипломатических акциях, которые отражала история наших отношений с Европейским Севером, в частности, в трудные тридцатые и сороковые. Но не только в этом — посольская вахта Коллонтай восприняла души людей, их жизнь, их труд и помыслы. Историю Европейского Севера наших дней не напишешь, не упомянув имени Коллонтай. По тому, как десятки шведских архивов и библиотек, как, впрочем, и шведские семьи, хранят письма Александры Михайловны, нетрудно заключить: там понимают, что значит Коллонтай для Скандинавии нашего времени.

Не лишенная юмора, Александра Михайловна, говоря о своей популярности в Швеции, отмечала, что особенно велика эта популярность среди «стареющих знаменитостей» Так и говорила: «Они меня как-то лучше «чувствуют» и ценят, чем сверстники мужчины. И я заметила, что когда женщина-артистка, например, состарилась, — вокруг нее всегда женщины, которые ее любят, ценят, а мужской персонал забывает легче...» Как это всегда было с Коллонтай, она не боится самоиронии. Самоирония — от сознания силы. «В Швеции считается, что старость начинается только после девяноста лет, — пишет она Николаю Дмитриевичу Телешову. — А Бернард Шоу, когда ему минуло девяносто, просил не поздравлять его: «ведь это уже почти старость».

В том, как сложились эти годы у Александры Михайловны, своеобразно преломилась вся ее жизнь. В ее квартире на Калужской точно воспряли ее страсти и привязанности, у которых была не только московская прописка. Вместе с нею в трудном полете из Стокгольма в Москву — самолет, по существу, шел через линию фронта — была Нанна Сварц. Уже в Москве Коллонтай посетила Соня Брантинг. Навсегда переселилась в советскую столицу, приняв наше гражданство, Эми Лоренсон, — мотив столь неординарного поступка — желание быть рядом с Александрой Михайловной. Вопреки недугам, которые с новой силой атакуют Александру Михайловну, круг ее друзей тот же, что много лет назад: ее письма,

теперь с Калужской, идут Телешову и Инбер, Кржижановскому и Тарле. У нее бывают старые комбатанты по дипломатической страде: Литвинов и Майский. В том, что круг ее пристрастий остался неколебим, сказывалась натура Коллонтай — как ни переменчива политическая погода, Александру Михайловну ничто не могло изменить. Видно, здесь и только здесь следовало искать суть столь значительного и неординарного явления, которое необходимо понимать под личностью Коллонтай, человека и воителя Октября, на всю жизнь сохранившей достоинства дочери великой революции.

Савва Дангулов